

У меня в руках диск «Марина Цветаева. Примите как чудо».

Автор идеи и руководитель проекта — Светлана Салтанова, голос, научная работа (авторские тексты, составление) — Галина Данильева, старший научный сотрудник Дома-музея М. Цветаевой (г. Москва).

Слушаю. Последний звук «Поэмы Конца»:

И в полые волны
Мглы — сгорблен и равн —
Бесследно, безмолвно —
Как тонет корабль.

И ясно вижу: Гора у самого неба. Она на Горе, на самом пике, а спускается он — один. Одна на Горе — она. И он — один — спуск.

Корабль любви затонул, потому что он «истерзан», «выпит», «изведен». И это даже не его вина. Он не создан для вечного Восхождения... И она его отпускает.

Я уже вижу усмешку интеллектуалов и цветаеведов. Вот уж открытие! Это мы давно знаем, тысячу докладов сделали и диссертации написали.

Да. Это точно. Сейчас их, наверное, уже не меньше, чем по А. С. Пушкину... Но нужно было в XX веке явиться Валентину Непомнящему и от-

крыть такого Пушкина. Для этого, видимо, мало образованности и даже ума. Здесь — чудо соприродности...

Этот диск называется «Примите как чудо». Принимаю как чудо двойное. Марину Цветаеву — как чудо — приняла уже давно. Теперь принимаю чудо воспроизведения, чудо проникающее и проникшее в самую суть поэта Марины Цветаевой и прозвучавшее голосом Галины Данильевой. Это не актерское чтение, к которому всегда с подозрением относились поэты и которое О. Мандельштам назвал «свиным рылом декламации», признавая только В. Н. Яхонтова. Это чтение авторское, принятого и понятого всем существом другого поэта. Ибо Галина Данильева не только старший научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой, но и поэт, имеющий пять поэтических сборников, член Союза писателей Москвы.

Итак, первый диск «...Пишу, чтобы жить» включает 34 стиха и «Поэму Конца». Построение следует мысли Марины Цветаевой: «Хронология — путь к пониманию». Стихи за стихом, от «Вечернего альбома» (1910) до «Сада» (1934). Завершает диск «Поэма Конца». Да, не по хронологии, ибо написана в Праге 1 февраля — 8 июня 1924 года, но по логике жизни. Так завершается

путь на Земле пришедшей за любовью, расплескавшей, раздарившей ее всем — деревьям, травам, горам, детям, мужчинам и женщинам — и ждавшей такого же ответа и... не получившей... Только во сне, который сбылся в ее пьесе «Метель».

И нельзя еще раз не восхититься не только знанием творчества Марины Цветаевой, ее жизни, но и глубиной понимания воспроизведяющего. Стиснутая временем диска, Галина Данильева должна была так отобрать и выстроить стихи в хронологии, чтобы понимание стало явным и неоспоримым. И стало! И неоспоримо!

Какое главное чувство оставляет это прочтение Марины Цветаевой? Нежность. Трепет. Всегда не просто открытая — а распахнутая навстречу, и никогда не требующая, всегда прощающая обиды, отвраты, изменения, уходы... Та Цветаева, которая встает, когда проникаешь, та, которая Была и Есть.

Диск второй. «Голос правды небесной против правды земной». Марина Цветаева в вопросах и ответах.

Как будто все слухи, сплетни, мифы вокруг великого имени отступают, когда прослушаешь первый диск...

Да... Но... Две расы остались.

Ни народностей, друг, ни сословий. Две расы: божественная и скотская. Первые всегда слышат музыку, вторые — никогда. Первые — друзья, вторые — враги. Есть, впрочем, еще третья: те, что слышат музыку раз в неделю. — «Знакомые». (Марина Цветаева)

И авторы проекта, проникшие, любящие, не могут пройти мимо вопросов «врагов» и «знакомых», ибо им больно так же, как было больно Марине Цветаевой. И не для того, чтобы оправдать, а защитить Правду Явления Кометы под именем Марина Цветаева.

И. Кудрова назвала свою книгу «Беззаконная комета». Да, жила по своим законам, творила свою Вселенную и доказала, что такая Правда выше всех социумов, и из нее можно и нужно делать выводы для жизни или, вернее, выживания Человека не только в России сейчас, в XXI веке.

Это еще и ответ тем, кто делает фильмы и передачи, тем, для кого жизнь и творчество великого поэта просто «текстовка», с которой они делают все, что хотят...

Валентин Непомнящий в 1979 году написал работу после выхода фильма М. Швейцера «Маленькие трагедии» и назвал ее «Кошка, которая смотрела на короля». Работа В. Непомнящего глубока и убедительна. Приведу одну цитату — может, самую простую, о «текстовках», но сногсшибательно убедительную.

Один из знаменитых сонетов Шекспира — девяностый, «Уж если ты разлюбишь, так теперь», кончается так:

...Что нет невзгод, а есть одна беда —

Твоей любви лишиться навсегда.

Стихи понравились знаменитой певице. Избрав их в качестве «текстовки» для песни, она, однако, сочла, что характер чувств Шекспира не вполне отвечает ее вкусам. В ее исполнении финал приобрел такой вид:

...Что нет невзгод, а есть одна беда —

Моей любви лишиться навсегда.

<...>

Этот пример без всяких завитушек демонстрирует сущность того, с чем мы часто встречаемся, — порой в довольно глубокомысленных обличьях, — когда имеем дело с интерпретацией классиков. В отличие от народного отношения к культуре как к ценности, «массовое» относится к культуре как к текстовке.

<...>

Об этой злополучной французской кошке я вспоминаю снова только потому, что в ее неумении разобраться, кто король, а кто нет, — ведь людей много, а она одна, — есть что-то прямо эмблематическое для отношения «массового сознания» к ценностям культуры: их много, а оно одно.

Цитата получилась большая, но, по-моему, блестательно объясняющая необходимость второго диска.

О Марине Цветаевой много передач и фильмов-подделок для «массового сознания», и это большая опасность, чем частный вопрос сл�шателя или читателя. Они могут влиять и влияют на формирование вкуса и отношения к ценностям культуры, их эталонам.

Отклик мой затянулся.

Вывод: все сплетни, слухи и мифы отступают после прослушивания. Все сказано, и все сбылось. Читатель пришел, принял, проник и проникся.

Настоящий Поэт не умирает. Бессмертие он дарит и нам.

Зоя Куликовская, главный режиссер Театра драмы и поэзии «Белый мост»,
Нижний Новгород